

18+

Цви Найсберг

**Избранное.
Публицистика,
фантастика,
детективы,
стихотворения
и афоризмы**

Цви Найсберг

**Избранное. Публицистика,
фантастика, детективы,
стихотворения и афоризмы**

«Издательские решения»

Найсберг Ц.

Избранное. Публицистика, фантастика, детективы, стихотворения
и афоризмы / Ц. Найсберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980967-4

Здесь собраны многочисленные малые произведения всех перечисленных
в заголовке жанров. Избранное: публицистика, фантастика, детективы,
стихотворения и афоризмы.

ISBN 978-5-44-980967-4

© Найсберг Ц.
© Издательские решения

Избранное Публицистика, фантастика, детективы, стихотворения и афоризмы

Цви Найсберг

© Цви Найсберг, 2024

ISBN 978-5-4498-0967-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здесь собраны многочисленные малые произведения всех перечисленных в заголовке жанров.

Смерть за идею

Я смотрел ему прямо в зрачки его широко раскрытых глаз и видел в них ласковое внимание в сочетании с тоской и смертельно ядовитой ненавистью. Я был его враг, но я был ему и друг по самой так нелепой ошибке не приемлющий революционных постулатов, самой уж наилучшей и для него и впрямь ведь раз и навсегда единственной в этой жизни правды.

От него невыносимо разило на версту наспех крепко-накрепко втиснутыми в его светлую голову догматами бесноватого марксизма.

Он был безнадежен, но ведь при этом в отличие от того второго, в которого я выстрелил без промедления – этого парня мне было безумно жаль, буквально так всею душою жаль.

Он был свой, хотя и большевик, но никак не тупое быдло из местечка желающее только лишь всего-то рассчитаться за все муки бывшего унижения.

Вот будто бы и впрямь большевики меньше мучили и убивали евреев, чем те же прежние черносотенцы?

Да нет эти товарищи, тех, кто хоть немного побогаче жил довольно-таки убогой бедности вообще за людей не считают, а только за тараканов.

Этот гад Шварц так вот сразу и сказал.

Ну а мой ответ о том, что при его долгожданной власти все как один вымрут с голоду или начнут, есть друг друга он только нагло ухмыльнулся и вкрадчиво произнес.

– На нашего брата большевика еды всегда хватит.

В нас вся сила есть!

Я ответил.

Ты падаешь ни о ком кроме себя ничего хорошего вовсе не видишь.

Вы все такие только за свою шкуру, А НЕ ЗА ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ РЕВОЛЮЦИИ СЛУЖИТЕ, СЛОВНО ЦИРКОВЫЕ СОБАКИ.

Он, насупившись и глядя себе под ноги с ненавистью произнес.

Шварца не будет другие придут и на этой земле злодеям буржуйам и их прислужникам место уже не останется.

Я с лютой злостью проговорил.

– Ты и умереть не можешь, как человек, а не как кукла заведенная.

И гулкий выстрел оборвал эту никчемную жизнь, отданную не за идею, а за место под солнцем где-то вот совсем этак около нее.

Но этот Мойша он же бывший студент университета в нем и стать и другая и мысли у него другие и стоя к нему лицом я внезапно почувствовал окаянной совести укор за то, что я с белыми, а не с красными.

Но это конечно так мимолетно эти беспорочные вершители народных судеб не народ избавят от царского гнета, а всякий прежний гнет пролетарски беззаветно усилят.

В их-то грязных руках власть вообще перестанет быть властью, а станет вороним пугалом для всех и друзей и врагов полностью так во всем и для всех одинаково.

И страшнее всего, что эти вроде бы самые простые рассуждения до ума этого парня не дойдут совершенно уж никогда, так и умрет он или сейчас или когда власть, за которую он воюет, более чем неизбежно начнет выкорчевывать всех вот таких как он бравых мечтателей идеалистов.

Я должен буду сейчас прострелить ему голову.

Я ведь сам всегда просил всех пленных евреев из красных отдавать сразу мне.

Я их выводил по одиночке и стрелял им в голову, чтобы смерть наступала сразу и без мучений.

А тут их оказалось целых два человека и один из них и вправду был самым настоящим воплощением всего того хитроумного и корыстного, что только могла воплотить в себе нахрапистая революционная пронируемость.

Прострелить ему голову было одно удовольствие, и даже возникло очень большая жажда, вывести в чистое поле еще целую тысячу таких он и убить их всех.

Но вот второй Мойша Гринберг этот оказался совершенно другим я почувствовал к нему настоящее душевное расположение, в этом крепком теле был здоровый и светлый ум, но только лишь пока дело не касалось зауживно нудных идеалов.

Тут Мойша сразу становился безнадежно самоуверенным и неумолимо заносчивым.

Переубедить его было делом абсолютно нелепым, а ведь и времени было совсем мало, а еще и надо было беспрестанно быть начеку.

У нас ведь тут не диспут в пивной, а гражданская война и если об этом забудешь, так вмиг окажется на земле весь в крови и со штыком твоей же винтовки в боку.

Но все-таки как это страшно вести по мартовскому насту человека, в котором чувствуешь родственную душу.

Но все что я могу для него сделать, это отвести его немного подальше... Нет, я пытаюсь себя обмануть я хочу отпустить его на все четыре стороны. Он мне не враг, а товарищ. И вот он поворачивается ко мне лицом и смотрит прямо в глаза и говорит.

– Лазарь ты не сможешь к ним вернуться, если меня сейчас отпустишь, они не найдя мое тело убьют тебя самого.

Я отвечаю.

– Не переживай я скажу, что ты сумел сбежать. Все знают, что я храбро сражался.

Он грустно посмотрел на меня и, пожав плечами ответил

– Дело твое... Но ты не прав. Ваше дело проиграно, и ты это знаешь.

Вы были против народа, а мы за него.

Я закричал

– Вы совсем не за народ, а за благую идею она к нему словно лесенка, ведущая на темный чердак, вами до чего только наспех приставлена.

Вы его хотите загнать из землянок на чердаки.

А он от этого станет еще темнее и везде у него будут пропасти не туда ногой, и ступил и ты уже летишь вниз. Мойша отпарировал мои слова с пренебрежительным жестом.

Он сказал Лазарь, ты не хочешь счастья людям ты хочешь, чтобы они жили только лишь всегда вот по старому, а мы хотим дать ему новую более светлую жизнь.

Я ответил.

– Вы лишь ту старую Мойша, изваяв ее бестолково во всех срамных помоях без году неделя, празднично переименуете. Новая жизнь может родиться разве что из нутра жизни прежней, а из корыта, которое вы разобьете на куски, появится на свет Божий одна лишь всеобщая нищета и духовное оскудение, и запустение.

Мойша ругнулся и ответил.

– Ты не доживешь, чтобы увидеть новую более светлую жизнь, которую мы скоро построим на костях жизни старой. Я уйду или не уйду, но то светлое, за что мы все боролись, скоро будет воздвигнуто созидательными силами сознательного пролетариата.

Я вскипел, эти бредни сивой кобылы я слышал уже не раз и не два.

– Вы постройте гигантский острог, и в нем будут жить многие поколения, и им будет вечно всего не хватать, потому что построенное на костях светлое будущее оставит народ с черствой коркой в зубах. Для построения настоящих светлых дней грядущего нужны товарищ Мойша свет просвещения и полная безыдейность. Всякий пусть сам измышляет себе образы жизни, как это только уж оно ему значиться будет угодно.

Тут Мойша стал смотреть совсем волком, он явно примеривался, как бы отобрать у меня винтовку. Он смачно сплюнул и сказал.

– Так это значит, за безыдейность и всеобщее людское просвещение я три года гнил и мерз в окопах?

Я, подумав, ответил.

– Вы хотите в войну превратить обычную жизнь у вас борьба должна стать всем смыслом всеобщего людского существования.

Мойша моргнул, остановился и уставился мне прямо в глаза, громко выдавил из себя. – Давай стреляй уже, ты Шварца убил, а теперь моя очередь.

Мы уже достаточно пофилософствовали, и каждый остался при своем мнении. Мне было тяжело, как никогда спускать курок, но я солдат, а не баба с возу от судьбы не уйдешь, и враг может симпатичнее своего прямого начальника.

Никогда не забуду, как Скворцов хищно ухмыльнулся, увидев мое совершенно проникшее лицо. В тот вечер я впервые напился до полного свинства, а через неделю я спустил курок, приставив дуло к сонной артерии.

Последний бой лейтенанта Федулова

Страшные минуты боя всегда одинаково тягостны, и предощущение неминуемого конца, если и не своего, то кого-либо из своих товарищей, всегда гнетет и рвет душу на мелкие куски.

Но тут все должно обязательно кончиться, и кончиться раз и навсегда, потому что нам всем крышка.

Враг не только упорен и напорист, он умен и расчетлив.

Он сметлив и беспощаден, а потому нам с этого пригорка только одна дорога – на небеса.

Мы кончили свой земной путь, и нас от всей роты осталось только трое: я, Саня Кротов и старший лейтенант Федулов.

И ведь жалко парня, напрасно он мучается, и тяжкие стоны его вырывают из груди кусок, и ведь ясно, что ему совсем мало осталось, а нам тем более – при следующей атаке только и останется, что в эту сырую осеннюю землю лечь.

Мы же честно, как все, воевали, но нас предали все эти душегубы с синими околышами, это они ведь так и выворачивали с корнем весь лучший командный состав, а именно отсюда и безнадежность нашего нынешнего положения.

И тут я спохватываюсь.

У меня впереди только смерть и горе всем родным, они ведь даже и извещение о смерти не получают.

А тут, как на зло, в голову лезут мысли об общем положении, да еще и наружу они отчаянно просятся.

А ведь это трибунал на месте еще до следующей атаки фрицев, и Федулову будет плевать, что я пулемет Максим на плечах четыре километра пер, а он только ленты к нему.

Человек он флегматичный, и черт его знает, что именно у него сейчас на уме.

Но я не могу, просто не могу этого не сказать, вся душа испеклась под знойным пламенем красных знамен.

И я ору как умалишенный, чтобы перекрыть Санины стоны.

– Пока мы здесь помираем, все эти гады заседают, жрут и пьют, и им не только до нас, им и до себя дела нет. Они до того привыкли перед Сталиным на коленках ползать, что у них и мозгов своих, чтобы об общем положении подумать, совершенно так уже не осталось.

Федулов уставился на меня пронзительным и вмиг совершенно так посуровевшим взглядом, и мне сразу стало совсем так, совсем нисколько не по себе.

И даже возникло чувство страха, не за себя, а за семью. Федулов он ведь не чужой командир, а свой, и если он чудом в этом аду выживет и дойдет до своих, ему не будет трудно дать знать кому надо про этот мой выпад в сторону самой наилучшей на свете власти.

Но нет, потухло грозное свечение в глазах командира, и он отвернулся от меня в сторону и весь как-то поник.

И вот он обреченно и как-то даже мурлыкающе нежно заорал мне почти в самое ухо.

– Я тоже так думаю, но мы ведь сейчас не за Сталина и его прихвостней умирать будем, а за родину, а она, брат, при любом царе все равно одна, и ее отдать врагу нельзя. Мы за нее и перед предками, и перед потомками всегда в ответе. Она выстоит и возродится вновь, она нас грудью вскормила, и мы должны за нее головы свои сложить.

И тут я понял, что если и доведется выжить, неважно где, даже в плену, и когда-нибудь вернуться домой, эти слова и будут тем единственным флагом, который я пронесу свою жизнь.

И вот мне уже за девяносто лет, у меня позади плен, из которого я сбежал к партизанам, и война, и тяжкая мирная жизнь, послевоенное время, и флаг нашей родины уже другой, но я, все еще оглядываясь по сторонам, донес слова Федулова до своих внуков и правнуков.

А все эти мерзкие гады, которые вместе со Сталиным весь же народ тогдашний языком своим поганым так и косят, так и косят, любому врагу охотно бы сапоги до блеска с радостью лизали.

К старенькой бабушке Кате приехала внучка с мужем из Голландии

– Страшные времена нынче настали, люди стали как звери, это у нас не капитализм, а фашизм нынче воскрес, хоть и церкви пооткрывали.

– Ты, бабушка, преувеличиваешь, у вас теперь свобода: Дума и выборы...

– Это, Люда, не свобода, а одна только ее мутная видимость. В мое время и сказать про власть чего боялись, а все равно внутри свет веры жил, а сейчас вся вера в деньги, а остальное чепуха. Ну, может, конечно, и не тот фашизм, что был в Германии при Гитлере, но испанский режим Франко – это уж точно теперь про нас. Хунта у власти, она жаждет только для себя прав, а для нас одна фига с пальмы, и больше ничего. Ну а у вас там что, сплошная, до извращения противная толерантность. На разукрашенного помадой клоуна плюнешь, и посадят ведь не на неделю, а может, и на целых четыре года.

– Зачем тебе, баба Катя, так в нашу европейскую толерантность плевать? У нас ведь просто созданы условия, чтобы всем людям одинаково жилось.

– Нет, Люда, не одинаково, а так, чтобы всякий, кто не как все живет, мог это наружу нараспашку выставлять. В наше время этого не было, притом что такие были, но они это все наружу никак не выставляли, а прятали.

– Ты, баба Катя, все прошлым живешь, все еще о той войне по ночам плачешь, а ведь жизнь сегодня совсем другая, и мы теперь знаем, что наши деды в Германии женщин насиловали, в Европе об этом нынче много говорят.

И тут на лице древней девяностодвухлетней старухи проглянули черты старой и седой, никакими словами неопишуемой ненависти. Она стала давиться словами:

– Никогда не говори мне этих слов! Ты, может, и слышала чего от матери, а я тебе не говорила. Нас эвакуировали, и мы долго весело ехали в вагонах. И ты никак не сможешь себе того вообразить, каково это, когда над головой начинают жужжать моторы самолетов, и началась паника... Это пришла к нам лютая смерть...

Мой папа был уже старый и с больными почками, а мама была в расцвете сил, она за всеми ухаживала в вагоне, все старалась, чтобы всем было весело и удобно. Ее и отца убило на моих глазах, а бабушка схватила меня и братика и побежала из вагона.

У меня остановилось сердце, но голос бабушки был непреклонен, и я побежала со всех ног.

Летчики хорошо видели, кто мы и что мы невоенные, и они били по нам из пулеметов. Меня ранило в руку, и я упала, бабушка попыталась меня поднять, и вдруг ее доброе лицо исчезло, а вместо него проступило кровавое месиво, она упала.

Мой младший брат вскочил и побежал дальше, а у летчика, рожу которого я успела разглядеть, были злые и задорные глаза, он явно радовался, сыпя смертью из пулемета по детям и старикам.

Он прошел очередью Сашино маленькое тельце, и я потеряла сознание.

Когда меня привели в чувство и напоили, я не хотела жить, я рвала бинты и бредила раны, я хотела умереть, но одна медсестра мне сказала: «Твоих уже не вернешь, но есть другие. Ты давай выздоравливай и иди учиться на медсестру. Авось еще в Берлин вместе с нашими ребятами попадешь».

И так оно и случилось, и было много в Германии таких потаскух, которых насиловать вовсе не надо было, они сами ноги раздвигали, а потом мы наших ребят лечили от венерических болезней.

Но изнасилования тоже бывали, но ведь та армия была интернациональна, и всяких таджиков и прочих азиатов никто в Европе теперь ни в чем не обвиняет, а все лепят этот гнусный ярлык именно на русского солдата.

Вот если бы они сами посмотрели на то, что оставил немецкий ефрейтор на нашей земле, небось, плача по изнасилованным немкам тогда бы несколько все-таки поубавилось.

Да мне и самой хотелось их насиловать и убивать, но Бог меня не так устроил, да и по возможности мы им еще и еды давали, чтобы они с голоду не умерли.

Мы народ не злопамятный, и немцы это быстро поняли, а потому еще по временам и наглеть начинали.

– Да ну тебя, ба, с твоими древними ужасами. Все уже давно прошло, сейчас время других идей и мыслей.

– Нет, Люда, это все неправда. То, что прошло, – это захват града Киева татаро-монголами. Это действительно было многие столетия назад, а от той войны память недавняя, она у многих людей до сих пор еще в сердце болит.

Вы с мужем молодые, живете в достатке, у вас в доме ящик, который именно ту правду говорит, которая всем тем наиболее сытым вполне удобна.

Они тоже воевали, но с боку и очень старательно при этом сверху выжигая все живое, прежде чем пустить туда свою пехоту.

Они чужих за людей не считают, они мстительны и отважны, только когда они на кнопки жмут.

Не все они такие, но их главные стратеги именно так войну и планируют.

Молодая тридцатилетняя женщина все это с грехом пополам перевела своему мужу. А потом сказала:

– Это из тебя, бабушка, все еще та самая сталинская пропаганда где-то изнутри, как из глубокого кувшина, далеким эхом отзывается.

Бабушка встала в позу руки в боки и в упор взглянула на мужа своей внучки.

Она, строго и четко чеканя слова, произнесла:

– Вы, европейцы, жуткие снобы и варвары, для вас нравственность сразу превращается в пустой звук, когда действительно припечет, вы бы до сих пор нацистам сапоги лизали, если бы не наша смелость и безотчетная храбрость.

– Бабушка! – воскликнула внучка. – Я ему такого переводить не буду, он ужасно обидится. Ты лучше скажи, чем тебе можно помочь, я тебе денег оставлю. Я вижу, что он и без перевода чего-то понял. Мы у тебя не останемся, мы переедем в гостиницу.

– А я поняла, Люда. Ты боишься, что он тебя бросит и тебе придется назад сюда возвращаться. А для тебя это будет как крушение всех твоих сладких надежд на лучшую жизнь. Вы стали нынче циничными и прагматичными, и веры в вас теперь нет.

И тут у молодой женщины вырвался крик старой боли:

– Вы всю жизнь верили и чего-то строили, но жизнь при этом только деградировала, а в конце дошло до того, что и жить здесь стало попросту невозможно... Ваши идеалы все на свете поглотили, раздавили и сожрали, а потому и осталось только протянуть ноги либо сделать так, чтобы затем было действительно хорошо.

– Внучка, но ты ведь их просто перед тем, кем надо, раздвинула, а идеалы никто не сожрал, и здесь тоже будет хорошо, но только через время...

У внучки стало очень скучное лицо.

– А я что, должна была здесь, пока суд да дело, прозябать? Я сейчас жить хочу, а если я дотяну до твоего возраста, то, может быть, я тогда сюда вернусь умирать. Да и то вряд ли.

Письмо сестры по песне Кати Огонек

Мир разом погрузился в злой и беспросветный мрак после смерти любимого брата.

Но ведь наш сосед Коля никак не мог этого совершить он ведь совсем не такой я ему хоть в глаза еще один раз пойду, как следует, взгляну.

Это мука смертная безо всякой же пользы стоять в ожидании свидания с человеком, не за что не про что убившим Васю, но я как-нибудь до самого конца все это вполне вот достойно выдержу, выстою и не уйду.

И пусть мать долго ругалась и не пускала и сестра рвала сердце на мелкие клочки своими горькими слезами, но они просто ведь меня никак не понимают.

Мне надо бы взглянуть Коле в глаза и спросить его как он мог убить человека только за то, что он всего-то только, что слегка ведь облил его из бутылки шампанского на выпускном в школе?

И вот я уже всею своей поникшей душой так и гляжу в эти жуткие до самых ведь краев переполненные болью глаза и мне безумно тошно от всей той укоризны, которая в них так и блестит пробиваясь сквозь явное чувство вины.

Он чего-то говорит, и я никак не могу этого не услышать, он вроде бы всего этого никак совсем не хотел...

Эти слова сами падают в душу с отвратительным скрежетом, отворяя ворота иного куда только худшего ада.

Коля одними губами лепечет, что он хотел только разве что ткнуть Васю немного в бок и все, а Леня Спиваков со всей силы подло толкнул его в спину, а потому вместо легкой царапины вышло убийство.

Он повышает голос, стрекоча сквозь слезы говоря мне о том, что Вася был зануда и выскочка, да и нахал каких мало, и он его не любил, но убивать он его точно же никак не хотел.

Это негодяй Спиваков верно подгадав момент его, двинул вперед, причем сделал он это именно, что вполне вот осознанно и нарочно.

У них с Васей из-за Натахи и вправду были серьезные терки, но только на словах.

Это ведь никак не повод для убийства.

И Коля вдруг закивал, впрямь-таки задыхаясь от буквально сдавливающей ему горло ненависти.

Да не повод, но даже и отбив девчонку, потому что ей предкам больше были по душе чьи-то солидные родители, а не сын матери одиночки все равно никак невозможно будет, то не заметить, что она то и дело о чем-то своем горько призадумывается.

Да иногда и высказывает вслух сомнения в не совсем так удачном под жестким родительским давлением, сделанном ею выборе.

А у кого-то может душа от таких сомнений враз уж вся закипает и сердце черной кровью беспрестанно обливается.

И ведь Леня об этом Коле говорил, а он как последний идиот над всем этим громко смеялся и вот теперь все Колины планы поступить в институт полностью рухнули, и жить ему теперь придется со страшным пятном в его навек испорченной биографии.

А этот подонок остался цел и невредимым, и вот тут по выражению глаз я поняла, что он не врет и не придушивается.

А говорит вполне искренне.

Да и потому как он выражает сожаление, что его отец и так уже вдовец, а потому коли будет еще один труп ему – это точно никак не перенести мне вдруг стало до конца так полностью ясно, что и он тоже жертва, или точнее слепое орудие преступления, а не убийца.

И за те вовсе-то недолгие (хотя до этого это время и показалось мне вечностью) прошедшие со дня смерти Васи две недели он уже проклял своего недруга всеми проклятиями мира.

Так вот, кто, значит, был во всем, как есть почти что один и виноват!

Ну, тогда ему нисколько не доведется торжествовать победу над тремя несчастными женщинами.

Мой отец нас бросил и уехал далеко, далеко и мать брата иногда горюя, обзывала вторым отцом.

Мол, тоже вырастешь и бросишь нас и уедешь.

На что брат всегда откликался ответными попреками, что мать подле себя отца когда-то всеми правдами и неправдами никак не удержала.

И вот его молодая кровь вся вытекла на пол, а тот кто ножом его пырнул оказывается только лишь хотел его пугнуть или поцарапать...

А тот гад, что жизнь у Васи украл, будет и дальше жить и преспокойно себе здравствовать.

Нет, не бывать этому он свою смерть встретит точно в том же виде, но я толкать никого не буду, я его сама порешу – своими руками.

Но потом, выйдя за ворота тюрьмы и немного охладев, я подумала, что так ведь нельзя, поскольку безо всякого разговора такие вещи творить может одна только самая последняя дура.

Ни любовь и ни смерть нельзя подавать, как готовое блюдо не выяснив заранее, чем человек вообще дышит.

А потому его надо поймать в момент, когда он расслаблен и спокоен и обо всем настойчиво и старательно расспросить.

И вот эта дылда стоит передо мной и надо же ухмылка на его лице явное свидетельство внутреннего покоя и вполне так полноценной в себе абсолютной уверенности.

Ну, это понятно он крепкий парень, а я девушка хрупкого сложения и вызвав его на разговор в этот безлюдный парк вечером, я никак не могла бы ему причинить своими маленькими ручонками ни малейшего серьезного вреда...

Он только вот правда не знает, что я шесть лет ходила в балетный кружок и была там лучшей.

И реакция у меня очень даже отменная.

Да и неожиданность на моей стороне.

Он кривиться от всех моих слов, ему неприятен этот пустой и ни к чему не ведущий разговор.

Он безнадежно устало предлагает мне завтра с утра пойти в милицию и там весь этот бред рассказать следователю.

А у самого глаза в конце фразы блеснули смехом, и смех этот от того самого вполне ведь удовлетворенного чувства мести, правда, он смерти Васе все-таки явно никак не хотел.

Ну, все теперь во мне уже сомнений нет, да и понятно почему.

У человека ни в чем как есть невиноватого смешинок в глазах при упоминании о недавней насильственной смерти и близко-то никогда не будет.

Взмах руки и вытащенный из рукава нож прошелся точно по горлу не оставив негодяю никакого шанса жить.

Врач скорой помощи только лишь смерть, как положено и зафиксировал.

А я никуда и не убегала...

И вот он следственный изолятор, и вся моя версия событий оказалась не просто же ложью, а ложью хитрой и само собой только лишь подлю состряпанной той еще редкостной курвой...

Следователь самыми гадкими словами плюется, как пожилая колхозница семечками на базаре.

И все это гадкие обвинения в садизме и беспричинной агрессии – это, пожалуй, что вовсе и не слова, а крик ненависти из черной пасти...

И мучают они тело и душу, сменяя друг друга эти вот двое матерых, хотя еще и довольно-то молодых следователя.

Они хотели на меня еще целых пять трупов повесить, но кто-то постарше званием и возрастом им сказал, что это будет не слишком ведь умно из такой соплячки, как я настоящую маньякшу делать.

И тогда они спустили вожжи, но до самого окончания следствия так и продолжили выливать на мою душу всяческие срамные помои...

А на зоне каждый день и ночь я жду перо в бок, потому что родители Ленки люди со связями и от них всего можно ожидать.

А тут письмо все залитое слезами сестры, мать ведь после того как я села с работы учительницы почти сразу поперли и она в той же своей школе стала уборщицей, да и пить страшно начала.

Поскольку прежние ее коллеги стали ее совершенно так злобно третировать.

А еще ей завуч на ухо злобным шепотком намекнула, что домой я точно ведь теперь не вернусь.

И боюсь, что так оно и будет потому что, даже коли люди на редкость скаредные из своего кармана денег не вынут, то вот и тот постоянный плач перед тем, кому достаточно дать отмашку и может стать для меня более чем многозначительным, последним приговором.

Опавшие цветы былой детской любви

Он сделал это не со мной, а с призраком своего навсегда так растаявшего в небытие счастливого детства, бессмысленно вдавливая взгляд в белый больничный потолок думала Лена. Ее жизнь ей была более, нисколько не нужна, она стала для нее тяжким бременем из-

за разом отвернувшейся от всего бывшего смертельно раненной души. В ней была звенящая пустота утраты самого близкого на этой земле человека, а с нею пришла и утрата веры во все человеческое вообще.

Ее родной брат воспользовался ее полудетской наивностью, чтобы сделать нестерпимо больно за то, что она преуспела в жизни, а он совершенно так нет.

Она не могла вытащить его из ямы пьянства и нищеты ей бы просто не хватило для этого средств, но она оставила ему в полное распоряжение квартиру,, а он ее пропил и купился на предложение риелтора поменять на нее на меньшую с солидной доплатой. И ничего ей об этом не сказал.

Именно с того вот и все началось с этого коммунального клоповника в который он переехал почти без доплаты по ее значить близорукой милости. Если бы она не переехала, отписав ему все права на родительскую квартиру у него все было бы впрямь как говорится в полном ажуре.

А ведь с ним было жить ну попросту так невозможно!

Он ведь вскоре после аварии, в которой погибли их родители, а он чудом остался цел, отделавшись одними царапинами, их родной дом превратил попросту так в отель-бордель.

Он начал безудержно заливать свое горе водкой, бросил институт, начал заявляться по ночам неизвестно с кем и делать чуть ли не в ее присутствии совсем вот непонятно что.

На все ее увещевания был всегда слышан только один ответ.

– Наших родителей больше нет, а ты мне никакая не мама.

Он очень быстро опустился и из спортивного веселого парня превратился в вечно ноющего охламона, перед которым все были в чем-либо виноваты.

Но ему все было мало, он тонул и пытался утянуть за собой ее. Его бесчисленные предложения присоединится к веселью его новых закадычных друзей, которые, кстати, пытались за ней ухаживать, окончательно вывели ее из терпения.

Она бросила ему в лицо ключи от их, отчего дома и ушла жить на квартиру. Предварительно оформив через нотариуса отказ от всех прав на квартиру. Это была жертва во спасение души брата, но именно она и оказалась последней горсточкой пепла спалившего дотла все, что еще только тлело в самой глубине его начисто забывшей все бывшее и прежнее ссохшейся, испитой, буквально насквозь прожженной водкой души.

Лена думала, он меня раздавил как ту букашку, что на меня нечаянно села, когда я была еще во втором классе, а он в детском саду. Он набросился на нее с отчаянным ревом прямо как рыцарь без страха и упрека и, сорвав ее с лица, с силой сжал в кулаке, а потом, топнув ножкой безжалостно раздавил. Он от всего сердца воинственно тогда заявил

– Я тебя Ленка всегда буду защищать чего бы только на тебя не село.

Я тогда широко улыбнулась, жутко сейчас поморщившись и слегка вот неловко сдвинувшись на койке к стене, сколь и впрямь так жалостливо по отношению к себе подумала Лена.

А ведь этот человек и после много раз клялся мне в своей братской любви...

Он мне ныне омерзительнее любого бомжа, потому что обстоятельства бывают самые разные и люди, сломавшиеся в той ситуации, когда им надо было стиснуть зубы и держаться на плаву ни у кого не должны вызывать настоящего сочувствия.

Но дело в том, что сердце бывает куда сильнее разума, а потому вычеркнуть из памяти, брата ли сына попросту ведь подчас никак невозможно.

Я ведь пыталась ему носить деньги и покупать вещи, чтобы он не мерз. А потом я их видела на его соседях. Это выводило меня из себя, я кричала на него, призывала вспомнить былую совесть, но все было напрасно.

За неделю до этого он проиграл в карты пьяный какую-то чудовищную сумму.

Я не готова была ее оплатить, залезши по уши в долги...

Он начал орать на меня в трубку благим матом и колотить ее об стену. Я ему сказала, что новую трубу я ему покупать не буду, и деньги на нее класть тоже...

И тогда он мне каким-то омертвевшим голосом сказал.

– Ну, хоть приедь тогда нам поговорить бы надо.

Я испугалась, не надумал ли он чего-либо с собой сделать и, конечно же, бросив работу, сразу так помчалась к нему.

Если бы я только знала, чем это все кончится...

Это не люди и даже не папуасы людоеды – это насекомые. А их человеческий облик довольно обманчив и только лишь слегка прикрывает под внешней одеждой всю их грязную, отвратительно плотскую суть.

У них нет рук и ног у них отвратительные лапки, как у насекомых.

И все эти разговоры про то что -Карточный долг дело святое это ведь все, оттого что им уже хотелось всем скопом оприходовать эту красивую бабочку нечаянно так залетевшую в их затхлый гадючник совсем ненароком-то на огонек.

Мы тут все такие люди простые сказал один из них, а вы как принцесса Нефертити от нас вечно свой нос воротите, а еще и про риелтора все вынюхивала поначалу, добавил второй голос, резанувший самое сердце внезапно же нахлынувшим воспоминанием.

А ведь это все-таки люди они на опознании рож не корчили и вид у них был осунувшийся и очень даже пристыженный.

Но они все указали на Сашу, как на организатора преступления, дескать, он все это начал, а то сестра его больно зазналась и все такое прочее.

А ведь вытащить его из этого дела не вытащив из него других, было бы попросту никак невозможно.

Да и следователь весь изменился в лице и стал говорить омерзительные гадости, когда она попыталась с ним завести разговор на данную тему.

– Вы гражданочка нам статистику не портите нам по кражам и изнасилованиям нужны показатели, а вы нам их испортить хотите. Вы может сами под всю эту братию легли, добровольно ножки раздвинув? Тогда я вам могу только посочувствовать и посоветовать обратиться в вендиспансер на предмет обнаружения венерических заболеваний.

И все это гнусной ухмылкой на своей не в меру сытой физиономии.

Я этого просто не выдержала, побежала домой и зашла в комнату пожилой хозяйки квартиры, взяла целую пачку валидола и выпила разом, запив ее стаканом сока. Да только она не вовремя вернулась и каким-то образом так сразу хватилась... вызвала скорую вот девятый день я уже здесь и меня хотят положить в психбольницу для экспертизы

И ЧТО ЖЕ МНЕ ЛЮДИ ДОБРЫЕ ДЕЛАТЬ?

Чисто советская история

Мальчик Витя вырос в типичной интеллигентной семье не хуже и не лучше других. День, когда произошло несчастье, был обычным пасмурным осенним днем, небо предвещало дождь, но в этом не было ничего необычного для данного времени года.

Мать, отправляя его в школу, как обычно поцеловала его на дорожку, пообещав приготовить на обед что-нибудь вкусненькое. Она была немолодой, недавно вышедшей на пенсию – бывшей начальницей почтового отделения. Вите было восемь, и он был младшим и теперь единственным сыном в этой еврейской семье. Старший брат Дима, погибший в Афганистане в 1981 году, то есть два года назад являлся ему во снах и просил прощения, что не может купить ту чудесную яхту, которую Витя просил ему купить перед самым его призывом.

Красивый корабль, выставленный на витрине Детского Мира стоил 32 рубля, а у интеллигентной семьи, пусть даже хорошо обеспеченной не могло быть денег на такую покупку. Однако, пятилетнему любимцу всей семьи, которому покупалась все что угодно (в пределах

разумного разумеется) не было дела до таких мелочей, его брат уходил в армию, и он хотел, чтобы у него хватило терпения, дождаться его возвращения увлекшись какой-нибудь интересной игрушкой. Так сказала ему его любимая бабушка. Но поскольку расставание предстояло быть долгим, а это чувствовалась по осунувшимся лицам взрослых, то игрушка должна была быть очень увлекательной. Наткнувшись на строгий и решительный отказ, он страшно разревелся – интуитивно почувствовав надвигающуюся на его жизнь черную грозовую тучу. И тогда брат присев рядом с ним пообещал, что когда он вернется из армии, он с первой же полочки купит ему эту злосчастную яхту. На этом инцидент был исчерпан.

И вот теперь брат приходил во снах и просил прощения, что не может выполнить свое обещание. Разница между этими двумя несчастными событиями в его жизни была столь очевидна, что иногда сердце Вити сжимал острый стыд, за то, что он так тогда разревелся из-за какой-то яхты. Смерть брата уложила мать в постель на долгие три недели. Она так и не смогла до конца вернуться к нормальной жизни и после участвовавших сердечных приступов ушла на пенсию по инвалидности.

Месяц назад, когда Витя сидел за школьной партой и внимательно слушал, то, что говорила учительница его не покидали мысли о брате, и глубоко задумавшись сразу и о том и другом, он вынул из портфеля яблоко и откусил от него небольшой кусочек. Марья Ивановна залилась краской ей смерть, как захотелось ударить Витю по лицу, но она сдержалась, удовлетворившись тем, что без комментариев выхватив из руки Вити яблоко широко размахнувшись, выбросила его в окно.

Комментарий последовал в учительской. Он потом дошел до ушей родителей Вити, поскольку слава сказанные Марией Ивановной случайно долетели до слуха уборщицы Светланы Петровны. Она после того как по поводу инцидента произошел короткий разговор двух интеллигентных дам в котором одна тихо и кротко извинялась за свой нервный срыв – подошла к маме Вити и произнесла.

Вы не верьте ей, что она это не со зла то. Я возле учительской убиралась и все слышала.

Она сказала: – этот жиденок жрал у меня на уроке яблоки. Они все свиньи их желудками надо кормить, а не яблоками.

Вечером папа по-философски произнес.

Достоевский был прав, русскому народу действительно не свойственен изначальный антисемитизм, ему его прививают как прививку оспы во избежание внутренних брожений. Нечто так не объединяет нацию под знаменем центральной власти как наличие подлого и хитрого врага прямо у нее за спиной.

Инцидент был бы исчерпан, если бы не болтливый сын уборщицы, учившийся в той же школе не оповестил Витю и еще кое-кого о словах Марии Ивановны. Это очень больно сказало на чувствах Вити, ведь Мария Ивановна была его классным руководителем.

А тут оказалось, что она прячет под маской Фантомаса, как выразился его друг Паша, который был на год старше и на год благоразумнее и рассудительнее.

Как бы там не было, а по дороге в школу Вите было довольно весело. Ведь приближались осенние каникулы. Они собирались пойти с папой по грибы в следующие воскресенье, если конечно не будет дождя. Мелкие капельки стекавшие по лицу были до того похожи на слезы, что Витя пожалел, что внял голосу матери и оставил зонтик в прихожей. Вот только плакать, мне еще не хватало, подумал он.

После уроков по пути домой, он купил себе мороженое из тех денег, что мама дала ему на кино и сейчас раздумывал, как теперь выклянчить у нее еще 20 копеек на следующие мороженое. Мама деньги давала охотно, но каждый раз выпрашивала, зачем они ему понадобились. На подходе к дому его встретила соседка и повела себя весьма странно, она быстро взглянула на него, отвела глаза и со всех ног нырнула в ближайший подъезд.

Что это с ней подумал Витя. Очумела она что ли?

Но смутная черная точка беспокойства назойливо засела у него в мозгу. Витя ускорил шаг. На пороге родного дома он увидел отца. Узнать он его смог только по фигуре. Лицо было совершенно чужим, вылепленным из воска. Живым на нем были только глаза, переполненные невыразимым словами страданием.

Совершенно потеряв голову от необъяснимых явлений последних пяти минут Витя с ужасом произнес

– Папа, что с тобой?

Мама погибла – через силу вымолвил он.

В этот момент раздался звонок телефона.

Папа помчался к нему скорее ветра.

Витя замер, не осознавая ничего кроме глубочайшей пустоты внутри и не замечая, как он медленно оседает на пол в глубоком обмороке.

Очнулся он только минут через пять, подумав, что ему, что-то пригрезилось, и он жутко перепугался.

Однако действительность напомнила о себе истеричным голосом отца, оборвавшегося стуком брошенной трубки и перешедшего в глухие сдавленные рыдания.

Позже, когда все выяснилось Витя пожалел, что у него игрушечный, а не настоящий автомат Калашникова. Пьяный дядя сын начальника политотдела горкома партии задавил маму, когда она переходила на зеленый свет. Пьяный дядя и свидетели происшедшего были доставлены в милицию, где они были допрошены их показания задокументированы, а тем временем преступника ругали матом милиционеры. Преступник попросил сделать один телефонный звонок и все как по мановению волшебной палочки или точнее по взмаху руки невидимого режиссера все сразу изменилось. Милиционеры стали мямлить торопливые извинения, рвать заведенное дело на глазах у еще не отправившихся по своим делам свидетелей преступления. Преступник, ставший вдруг потерпевшим смачно сплюнул себе под ноги и сакраментально произнёс.

Незачем было этой старой корове прыгать ко мне под колеса. Шла бы себе только по тротуару, если через улицу переходить не умеет.

Свидетелей попросили оставить свои адреса и идти домой, что мол, если надо их вызовут.

Отец, поминутно хватаясь за сердце, пытался качать права, но, несмотря на то, что он был известным в городе инженером его попросили соблюдать тишину и порядок иначе он сам просидит в милиции пятнадцать суток за нарушение общественного спокойствия.

Попробовав воспользоваться своими скудными связями в городском руководстве, папа узнал, что он твою мать не профессор и не член корреспондент академии наук, чтобы из-за него трогали такого большого человека.

Один милицейский чин шепотком посоветовал писать в генеральную прокуратуру СССР, но это тоже не дало никаких результатов.

Через месяц после трагедии папа отчаявшись добиться правды запил, а через неделю его еще теплого вынули из петли в его рабочем кабинете. Вернувшись на работу улыбаясь всем сослуживцам, папа заперся в его кабинете и долго из него не выходил. На стук он не отзывался, когда же выломали дверь, его ноги качались в полуметре от земли.

Крюк для старых господских гардин сослужит мне лучшую службу, чем я теперь смогу сослужить товарищам, чей долг служить народу. Так было написано в его предсмертной записке.

Витя потерял контакт с действительностью, в его маленькой душе просто не помещалось столько горя, он рвал на себе волосы, кричал на учителей, а дома прятался в от бабушки в шкафу. Бабушка не позвонила в 03, это сделала Мария Ивановна, когда она себе позволила себе замечание, что, мол, плакать надо дома, а в школе надо учиться Витя схватил три свои тетрадки и на глазах всего класса порвал.

Мария Ивановна сбегала в кабинет директора набрала 03 и сказала, что в ее классе есть мальчик, недавно потерявший родителей, и совершенно потерявший рассудок.

Впоследствии уже взрослый человек, иммигрировавший в Израиль, пошел учиться на заочный факультет университета вот только не жене не детям он так и не поведал, что в бывшем уже Советском Союзе диагноз дебил ставили также, как давали знаменитую 58 статью в 30годы. Буквально всякому у кого были проблемы с обучением в обычной школе. Родители, конечно могли подсуесться и дать на лапу или же оббивать многочисленные пороги и в итоге отстоять своих детей, но это было далеко не так просто.

КАК БЫ ИЗВИНЯЛСЯ КАПИТАН ЖЕГЛОВ ПЕРЕД ПОДСЛЕДСТВЕННЫМ ГРУЗДЕВЫМ

Мне всегда казалось, что в фильме «Место встречи изменить нельзя» именитый капитан Жеглов все-таки явно уж мог найти нужным, хоть как-то действительно извиниться перед бывшим подследственным Груздевым. Правда, ясное дело, что Жеглов, сколь еще естественно, уж не стал бы униженно просить у последнего милостивого прощения за то, что, возглавляя следствие, он самым надлежащим образом осуществлял свою важную и ответственную работу. Нет, гроза московских бандитов извинился бы разве что за то, что содержал под стражей человека, полностью уже осознавая его полнейшую невиновность. Мне очень захотелось описать, как это могло бы вообще вот, собственно, выглядеть.

– Здравствуйте, товарищ Груздев! – сказал капитан Жеглов. – Я знаю, что, несмотря на то, что вы сейчас навсегда покидаете эти серые и негостеприимные стены, в вас бурлит желчь. Вас снедает слепое раздражение по поводу того, что вас, честного и образованного человека, арестовали, держали в тюрьме, словно какого-нибудь преступника. Вам, наверное, кажется, что я тут вас самочинно держал, будто мне вовсе ничего не стоило умаслить сговорчивого прокурора, чтобы он выписал ордер на ваш арест. И все это будто бы мною было вот хитроумно проделано именно как раз для того, чтобы, пока вы будете гнить в тюрьме, собрать против вас как можно поболее веских и неопровержимых улик. А затем, недолго думая, галочку в деле поставить, сдав его ко всем чертям собачьим в архив. Ну а для того чтобы лишний раз ускорить дело, я из кожи вон лез, стараясь выбить из вас чистосердечное признание в том самом преступлении, которого вы никогда не совершали. А между тем, гражданин Груздев, это ведь вы и сделали буквально все от вас зависящее, дабы наши подозрения прились именно по вашу душу. Вели вы себя настороженно и крайне вызывающе, мешая тем самым проведению важных следственных мероприятий. Безответственно пытались как можно скорее покинуть место убийства, не дав при этом никаких существенных показаний, а заодно еще и выказывали совсем ненужную нервозность и явное раздражение по отношению к покойной.

– Кроме того, вы никак не выразили ни малейшего порицания по отношению к гнусному убийце пусть и бывшей, а все же вашей жены, – вставил подполковник Панков. – А между тем эта женщина не была для вас посторонним и полностью чужим человеком.

После паузы капитан продолжил:

– Все это навело бы на подозрения любого опытного оперативника, разве что вот манеры его могли быть, пожалуй, другими...

– Но изысканность речи еще вовсе так не подразумевает серьезный, беспристрастный и цепкий подход к делу, – снова вмешался Панков. – На беду некоторых граждан, есть у нас в органах этикие всеядные буквоеды, которые свои выводы делают, основываясь на одних лишь мелким шрифтом отпечатанных строчках протоколов и допросов. Такие вот недотепы, которые в сыском деле мышей не ловят, действительно могут и не найти что-либо крупное, даже и в принципе лежащее на самой поверхности. Зато если все должным образом оформлено и запротоколировано, они разом так безо всякого промедления поспешат навсегда покончить со всеми своими прямыми обязанностями. Грубить такой следователь вам, скорее всего,

вовсе не станет, а передав дело в суд, веско скажет: «Уж не обессудьте, но все улики однозначно так против вас». Может, конечно, случиться и совсем по-другому. Жестокий следователь часами станет изводить подследственного пустыми разговорами, иногда выкрикивая оскорбления и угрозы, а также безапелляционные требования сейчас же, не сходя с места, признать свою тяжкую вину. При этом подследственный может и не дожить до последующего выяснения полной вот его явной непричастности к какому-либо иным лицом сколь еще злодейски совершенному преступлению. Тюрьма и так не курорт, а потому пожилой человек, на которого следствие оказывало неоправданно сильное давление, может уйти в мир иной из-за внезапно так приключившегося сердечного приступа. Я знаю Жеглова, а потому уверен, что он на вас излишне не давил, ждал, пока вы сами созрете для вполне серьезного разговора.

Слово вновь взял Жеглов:

– Товарищ Груздев, поверьте: у меня и в мыслях вовсе не было желания упечь вас за решетку!

При этих словах Жеглов насупился и выразительно взглянул на товарищей.

Тут к разговору на правах пожилого человека подключился Копытин:

– Вы, товарищ Груздев, заняли глухую оборону, нисколько не пожелав сотрудничать со следствием. Тем самым вы отказались помочь ему вовремя выйти на след настоящего убийцы. Это, в свою очередь, обернулось именно так против вас.

Жеглов при этих словах осклабился, а подполковник деловито произнес:

– А ведь вы могли бы нам серьезно помочь, даже и выразив простое человеческое сожаление по поводу того, что у вас нет для нас ничего действительно важного.

Глеб Жеглов выразительно взглянул на Панкова, и тот кивнул, разрешив изложить мнение.

– Если бы вы избрали путь содействия следствию, а не стали бы чинить ему препятствия... Однако вы предпочли лезть в бутылку, отговариваясь пустыми фразами.

Внимательно и разве что ведь вовсе молчаливо до того уж только лишь прислушивавшийся к разговору Тараскин внезапно оживился:

– Ваши так называемые показания, товарищ Груздев, – всего-навсего пустая, как и не заполненный белый лист, отписка. А ведь как врач, вы должны были понимать, что человек, убивший вашу жену (которую, увы, не воскресишь), уже на следующий день мог покуситься на жизнь какого-нибудь другого человека. А между тем его еще совсем не поздно было бы успеть спасти.

Лицо Жеглова сразу стало напряженным.

– Фокс тяжело ранил нашего товарища. И вот кто же знает, вспомни вы хоть что-нибудь, совсем ненароком оброненное вашей женой, и тогда, может быть, мы бы его изловили несколько раньше.

– Когда в процессе следствия кто-то из близко знавших убитого или тем более его родственник запирается, грубит, – произнес Шарапов, – это поневоле приводит к мысли, что он кого-либо явно уж покрывает, сочувствует черному делу, а может, и совершил его сам. Поэтому ему страшно из-за нечистой совести. Вот он и...

Жеглов строго посмотрел на него и жестко подвел под всем сказанным черту:

– Вы не смогли вовремя сосредоточиться и осознать всю губительность вашего противостояния законному следствию, как и всю серьезность всех им проводимых должных мероприятий. Я вам это говорю не для того, чтобы вас усомнить, а для того чтобы вы смогли принять во внимание ваши собственные просчеты и ошибки, перед тем как вы и вправду начнете строить на меня свои жалобы.

– Я так погляжу, вы тут все как один уже спелись и подготовились, – проворчал Груздев. – Хотите не только мои претензии отпарировать, но и вывернуть все наизнанку. Я, оказывается, сам виноват в том, что столь долго находился в тюрьме под вашим так называемым следствием.

– Ну а как оно может быть иначе? – веско заметил Жеглов. – Вы оставили у женщины, которую считали ветреной и легкомысленной, боевое оружие! А между тем вы могли бы хоть немного пораскинуть мозгами, дабы сыскать для него явно поболее надежное место. Вот если бы оно загодя находилось именно там, где мы его сами уж затем нашли, кто это тогда мне, злодею этакому, выдал бы ордер на ваш арест?

Тут почти поневоле вставил свое слово Шарапов:

– Почему вы, товарищ Груздев, не забрали пистолет с собой, а оставили его на попечении вашей бывшей жены? – выпалил он.

Груздев пожал плечами:

– Наша комната даже толком не закрывалась. Конечно, надо было найти там заветный уголок.

Шарапов поднял бровь и сказал:

– За вас его нашел преступник, убивший вашу жену.

– Может, именно потому, что вы оставили жене пистолет, она и была из него убита выстрелом в голову, – резко добавил Жеглов.

Панков кивнул:

– Правильную линию гнешь, Жеглов! Вот не было бы, товарищ Груздев, в квартире вашей бывшей жены огнестрельного оружия, и, может, не случилось бы там тогда вовсе так никакого страшного убийства.

– Вы что, хотите этим всем доказать, что своей беспечностью я подговорил настоящего убийцу совершить его преступление?! – возмутился Груздев. – Я патроны надежно спрятал, и убийца их не нашел!

– Нет, что вы! – энергично отпарировал Жеглов. – И все же вы совершили массу ошибок как до убийства, так и после него, а именно потому и оказались за решеткой. Никто вас туда не засадил, так сказать, по злему и черному умыслу.

– Вы явно юлите! Выдаете черное за белое! Один лишь Шарапов отнесся ко мне достойно и по-человечески. Это ему, а не вам я обязан своим сегодняшним освобождением!

Шарапов вздрогнул и отрицательно покачал головой.

После затянувшейся паузы Глеб Жеглов степенно ответил:

– Вы уж на меня, товарищ Груздев, не сердчайте. Я ведь только ревностно исполнял свои служебные обязанности. Вы просто оказались в ненужном месте и в весьма неудачное время. Вот не пришли бы вы навестить вашу бывшую супругу именно в тот самый злосчастный день ее убийства...

– Никто бы вас тогда, товарищ Груздев, там и близко так не заприметил, – проговорил подполковник, – а значит, улик против вас могло оказаться и недостаточно, чтобы разом всем кагалом нагрять к вам с обыском.

– А там, чего доброго, мы бы и сами на Фокса вышли, – перехватил инициативу Жеглов.

Панков, сердито помолчав, продолжил:

– Получается, что своим приходом вы помогли Фоксу скрыть следы его преступления, а уж сходу так впадать в горячку вам и вовсе вот несколько не следовало. А тут еще и злосчастная записка, которую вы бывшей жене не подумавши написали.

Возникла пауза, которой незамедлительно воспользовался Жеглов:

– Буквально все было против вас, а вы к тому же вздумали излишне горячиться...

– Вы снова делаете из меня виноватого в ваших бесчестных просчетах! – по-старому, пусть и несколько охладевши, вспылil Груздев. – Вы это совершаете из боязни начальственных нареканий, хотя в ваших словах есть своя логика – преступник тоже был виноват!

– Ну вот, мы с вами, товарищ Груздев, и пришли к самому главному, – заметил Жеглов. – Именно Фокс хотел, чтобы вы по всей строгости закона ответили за совершенное им кровавое преступление. И после этого ему, уж мне поверьте, жилось бы на белом свете только

лишь поболее радостнее, поскольку никакие страшные сны его бы несколько так не тревожили. Сидел бы он сейчас в воровской «малине» или в ресторане и пропивал, да с большим уж аппетитом проедал все украденное у Ларисы Груздевой добро. Я ведь и сам дал, надо признаться, маху. Мы ведь здесь, знаете ли, товарищ Груздев, вовсе не затем в поте лица работаем, чтобы невинного сделать обязательно так виновным, а наоборот, дабы доказать вину виноватого. И если бывают ошибки... Разве в медицине их никогда не бывает? Ведь бывает же, что по ее милости человек умирает в расцвете лет?

Груздев разом ударился в краску:

– Вы эти грязные намеки бросьте, Жеглов! В моей медицинской карьере черных пятен не было и не будет!

– Я вовсе так несколько не намекаю на вашу профессиональную деятельность. Я хочу только, чтобы вы до конца уяснили общность нашей с вами важной работы... Если нечаянно ошибетесь вы или я, то это запросто может сжечь дотла чью-нибудь жизнь.

– Жеглов, не говорите мне под руку, – устало произнес Груздев. – Мне, может быть, завтра или послезавтра уже придется оперировать, а случаи самые разные бывают.

– Я только к тому и клоню, – продолжил Жеглов, – что я человек, а не злое чудовище. И вы вряд ли представите себе, насколько мне горько было бы затем вдруг узнать, что вы, оказывается, были только вот беспечной жертвой преступной хитрости матерого преступника. Я стараюсь по мере сил избавить этот мир от зла, а при такой работе профессиональные навыки сами собой постепенно вырабатываются, точно такие как у докторов, так что вы меня за излишнюю грубость, пожалуйста, простите. В трамвае я бы никогда вам не нахамил, а на работе так непременно. Это уж, знаете ли, старая привычка, можно даже сказать, рефлекс. Да и как прикажете разговаривать с человеком, который, судя по всему, свою жену убил, причем из корысти, а не из слепой ревности? Кстати, когда вам без промедления надлежит совершить срочную и самую незамедлительную ампутацию, разве вы не можете допустить непоправимую ошибку? Ведь вы человек, а значит, можете оказаться бессильным перед своим же нескромным самомнением! Так что если вот завтра меня с пулей в плече привезут в больницу, и я окажусь на вашем операционном столе...

– Жеглов, вы снова на что-то туманно намекаете. Я это несколько не потерплю. В своей работе я личного отношения не допускаю...

– Боже упаси, товарищ Груздев! Я вам только еще раз о том напоминаю, что работа у нас с вами сложная, ответственная, а потому и страшные ошибки всегда совершенно так неизбежно при этом возможны. Всякий может сгоряча ненароком ошибиться. И жаловаться надо бы все-таки разве что на того, кто шел на намеренное преступление, то есть на такого сотрудника органов, который мучил бы вас, пожилого человека, бесконечными и пристрастными допросами. А еще на того, кто грубой силой попытался бы вырвать из вас признание в том преступлении, которого вы никогда не задумывали и не совершали. Я-то вас несколько не мучил, а только допрашивал, и, уж поверьте, не очень грубо. Так давайте же, товарищ Груздев, не будем уподобляться тем жалобщикам, которые привозят больного, когда ему становится совсем уж плохо. А когда он по несчастью умирает на столе хирурга, они во весь голос кричат: «Убийца в белом халате!»

– Откуда вам стало это известно? – примирительно спросил Груздев.

– Ну, мне ли об этом не знать? Вот, к примеру, недавно одного доктора на суде оправдали... Поскольку в процессе следствия было неопровержимо доказано, что больного привезли в больницу только через целых двенадцать часов. То есть разве что тогда, когда все присутствовавшие на поминках успели окончательно протрезветь и выспаться. Да еще и никуда совсем не торопясь, раз они первым так делом наспех успели опохмелиться. А надо было срочно привести к нему хотя бы фельдшера. Он обработал бы и перевязал все те с одного виду маленькие

ранки. Уж после того, как пожилой человек на разбитую бутылку задом сел, много ли у медиков будет времени, чтобы спасти его жизнь?

– Это зависит от степени кровотечения, – беззлобно отозвался Груздев.

– А также еще от того, будет ли пострадавший выковыривать осколки вилкой, взятой с праздничного стола, – подхватил Жеглов.

Затем после непродолжительной паузы он продолжил доверительным полушутливым тоном:

– Люди, что привезли старика в больницу разве что поздним утром, с пьяных глаз вечером только посмеялись и пошли себе спать, а молодой врач, который, оперируя, всю ночь на ногах простоял, для них, видите ли, убийца их отца и мужа. Ну не принял он в расчет продолжительность кровотечения и возраст, вколол что-то явно не то...

Жеглов изобразил на лице понимание и сочувствие.

Груздев скосил глаза немного вбок и молча кивнул.

Капитан решил, что пришло время для напоминаний и увещаний, а потому он и поднял прежнюю довольно-таки животрепещущую тему:

– Конечно, выйдя отсюда, вы все равно унесете в душе тяжелый осадок, но все-таки вам нисколько не помешало бы вспомнить, кто это именно был виноват в том, что вы оказались в невыносимо тяжких условиях весьма продолжительного тюремного заключения. Бандит Фокс в поте лица старался сделать из вас козла отпущения, чтобы отвести от себя все возможные подозрения. Вы бы перед всем миром ответили за совершенное им тяжкое преступление, а он бы тем временем продолжил свой кровавый путь. И причиной тому могло, в принципе, стать и то, что вы буквально наотрез отказались сотрудничать с официально проводимым следствием. А между тем малейшая деталь могла бы дать нам ключ к разгадке всего того на деле действительно произошедшего. Может, вы все-таки видели вашу бывшую жену с Фоксом где-нибудь ненароком? Любые знакомства Ларисы после ее убийства разом так незамедлительно покидают рамки чьего-либо личного и сокровенного, а потому и утаивание любых житейских подробностей чьей-либо жизни, само собой, оборачивается явным сокрытием кем-либо злодейски умышленно совершенного преступления. А еще вот кроме того и того самого, что совсем не поздно будет всеми силами предотвратить в том самом недалеком будущем. Ведь такой человек, как Фокс, без приключений жить попросту никак нисколько ведь не желает.

– Пригрозить оружием и сцапать чужое – для него дело явно уж излишне так мелкое, – вкрадчиво констатировал подполковник Панков. – Ему бы только над всеми сразу весело покуражиться, пыл свой до конца и во всем развязно проявить.

– Вы, товарищ Груздев, – привычным усилием воли напрягая связи, продолжил Жеглов, – запросто так могли его не знать, но могли и услышать о нем от общих знакомых.

– Когда вы вошли в квартиру, то должны были сразу заметить, что дверь не была взломана, – вставил Шарапов. – Значит, убийца проник в нее после того, как ваша бывшая жена зачем-то явно впустила его на порог.

– Вы хотите сказать, что я виноват в том, что нисколько не помогал вам его изловить, – задумчиво сказал Груздев. – Ну что ж, может, вы в чем-то и правы.

Панков выступил вперед:

– Уважаемый товарищ Груздев, от имени следствия хотелось бы вам еще раз заметить, что вы с самого начала повели себя совершенно неправильно. Вот если бы пришел участковый и начал въедливо и докучливо требовать от вас показаний по поводу очередного кем-то украденного велосипеда из соседней квартиры, надолго тем вас отрывая от всех домашних дел и забот, то вот тогда и был бы совсем другой разговор. Участковый нисколько не должен тратить драгоценное время хирурга, которому может быть через каких-то три недолгих часа надо будет уже идти на работу. И может быть, именно так сегодня ему и предстоит сложнейшая операция, связанная со значительным риском для жизни уважаемого человека – его паци-

ента. Ну а его безо всякой веской причины заставляют уделять внимание выяснению всяческих вовсе так никому не нужных подробностей мелкой кражи. И вот когда недалекий участковый в третий раз вас переспросит, не видели ли вы кого-нибудь чужого, не слышали ли вы из-за двери подозрительный шум... Вот тогда вы бы имели самое полное право и все основания резко вспылить. Бесцеремонно же порываться раз и навсегда покончить с вашим самым так непосредственным участием в каком-либо дальнейшем ходе расследования. Да только убийство – совсем не тот случай.

– Я виноват и признаю это, – глухо буркнул, раскланиваясь, Груздев, уводимый под руку пожилой и до гроба любимой женщиной.

САМОЕ ОКОНЧАНИЕ РОМАНА «ПОСЕЛОК» КИРА БУЛЫЧЕВА

Фанфик

Один из наилучших романов Кира Булычева всегда уж казался автору этих строк несколько недосказанным, неоконченным, можно даже сказать, попросту сходу так фактически вот оборванным на полуслове, а как раз потому он до чего же совсем ведь нескромно решился, что есть сил попытаться дописать за мэтра это его гениальное произведение.

Причем вполне ясно так легче легкого будет понять, почему оно было Кириллом Булычевым сколь до чего ведь весьма неожиданно прервано, так и не дойдя до того наиболее главного кульминационного момента, который, кстати, и должен был всецело уж стать достаточно полновесным его логическим завершением.

Всякий подлинный художник слова в пылу своего творческого взлета о деньгах вообще уж нисколько не думает.

Да только когда его произведение почти полностью так ныне завершено и вполне может, пожалуй, считаться совершенно же здраво оконченным, и наступает время для подобного рода, до чего еще уж никак невеселых, скабрзных мыслей.

Итак, вот оно, мое чисто гипотетически предполагаемое окончание.

После той лишь на миг бессильно повисшей в теплой кабине катера тишины, что вполне уж при этом оказалась напряжена впрямь-таки до медного звона в ушах и пришло время для всяческой немисливо радостной суматохи и вполне полноценного осознания всего того что как-никак, а ныне и в самом-то деле действительно разом случилось.

Разорвавший давние пути дремучих инстинктов возглас Дика был голосом, наконец-таки до конца оттаявшего сердца, отныне стершего в его душе ту и близко незримую глазу границу между жителями поселка и вполне вот по-прежнему безнадежно чужими здесь пришельцами с далекой Земли.

И Салли вовсе никак не нашла чем вот именно ответить на этот порыв юношеского восторга, сочетающего в себе преждевременную, нисколько не по годам, явную мужскую зрелость и страсть дикаря, все-таки сумевшего предотвратить верную гибель своих лучших друзей.

Еще недавно самое страшное казалось Дику почти уж никак чисто ведь совсем попросту неминуемым, ну а теперь все это явно осталось далеко позади.

Чувство безутешного, но гордого собой одиночества, тяжкое ощущение ярой неотвратимости суровой судьбы, вечная необходимость беспрестанной борьбы во имя изматывающего, каждодневного выживания ныне уступили, глубоко внутри всего естества Дика место душевному единению с теми людьми, которые ранее казались ему совершенно чужими.

И Дик совсем же неожиданно для самого себя раз и навсегда теперь полностью перестал, испытывать то чисто как есть, сколь невыносимо так жгучее внутреннее отчуждение из-за неловкости самого вот присутствия этой земной женщины сидевшей с ним рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.